

УДК 330.8(082)
ББК 65.02я43
И89

Издание осуществлено в рамках
Инновационной образовательной программы ГУ ВШЭ
«Формирование системы аналитических компетенций
для инноваций в бизнесе и государственном управлении»

Редакционная коллегия:

Я.И. Кузьминов (главный редактор),
В.С. Автономов (заместитель главного редактора),
О.И. Ананьин, *Н.А. Макашева*, *Р.М. Нуреев*,
А.В. Полетаев, *Р.М. Энтов*

Ответственный секретарь:

А.В. Золотов

Научные редакторы разделов:

В.С. Автономов (раздел 3), *О.И. Ананьин* (раздел 3),
А.Л. Дмитриев (раздел 4), *Н.А. Макашева* (раздел 1),
А.В. Полетаев (раздел 2)

ISBN 978-5-7598-0457-4

© Оформление. Издательский дом
ГУ ВШЭ, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

Эволюционные идеи в экономике: история и современность (Наталья Макашева)	6
<i>Торстейн Веблен</i> Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной?	10
<i>Армен Алчиан</i> Неопределенность, эволюция и экономическая теория	33
<i>Ричард Нельсон, Сидни Уинтер</i> Эволюционный подход в экономической науке	53
<i>Витольд Квашиницкий</i> Истоки эволюционной экономики	90

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

QWERTY-эффекты в экономической истории: дискуссия продолжается (Андрей Полетаев)	136
<i>Пол Дэвид</i> Клио и экономическая теория QWERTY	139
<i>Стэн Либовиц, Стефен Марголис</i> Басня о клавишах	151
<i>Пол Дэвид</i> Зависимость от пути развития и исторические общественные науки: вводная лекция	183
<i>Ростислав Капелюшников</i> QWERTY против DSK: методологические заметки на полях дискуссии	208
<i>Рустем Нуреев, Юрий Латов</i> Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты	228

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Что происходит с экономической наукой? (<i>Олег Ананьин</i>)	258
<i>Роберт Леонард</i>	
Ценность, знак и социальная структура:	
метафора «игры» и современное обществознание	265
<i>Сэмюэль Боулс, Герберт Гинтис</i>	
Вальрасианская экономическая теория в ретроспективе	301
<i>Оливье Бланишар</i>	
Что мы знаем о макроэкономике, чего не знали	
Фишер и Виксель?	338
<i>Дэвид Коландер</i>	
Экономическая наука нового тысячелетия:	
как она нашла свой путь и каков он?	381
<i>Наталья Макашева</i>	
Экономическая наука в России в период трансформации	
(конец 1980-х — 1990-е гг.): революция	
и рост научного знания	400

ПАМЯТНИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Эмигрантский диспут П.Б. Струве	
и А.Д. Билимовича (предисловие к публикации)	
(<i>Антон Дмитриев</i>)	428
<i>Петр Струве</i>	
Научная картина экономического мира	
и понятие «равновесия»	440
<i>Александр Билимович</i>	
Два подхода к научной картине экономического мира	469
<i>Петр Струве</i>	
Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия».	
Ответ А.Д. Билимовичу	508
Рождение «постсоветского институционализма»	532

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

Эволюционные идеи в экономике: история и современность

Наталия Макашева

За более чем столетний период, прошедший с момента опубликования знаменитой статьи Торстейна Веблена (ее впервые сделанный перевод на русский язык открывает данный раздел)¹, уже в самом названии которой содержались и разочарование, и призыв, и надежда, отношение экономистов к эволюционному подходу, разумеется, изменилось, но произошло это не по сценарию, намеченному Вебленом в 1898 г. Солидаризируясь с Альфредом Маршаллом в его убежденности, что образцом для экономиста должна быть эволюционная биология², Веблен призывал к смене канона, или, как мы сегодня сказали бы, парадигмы. Причем он был большим оптимистом, чем Маршалл, для которого эволюционная биология была скорее недостижимым идеалом, чем практическим руководством к действию. Маршалл видел перспективы в развитии экономической теории в рамках более простого канона, к созданию которого он, как никто другой, был причастен. Однако это не означает, что нам неинтересны представления Веблена о методологических принципах экономической науки в контексте естественнонаучного знания или его оценка степени «эволюционности» известных школ экономической мысли, хотя бы потому, что это был не только суровый приговор им, но своего рода предостережение. У Веблена речь шла не более и не менее как об отказе от всем нам известного «экономического человека» (*homo economicus*), заметим, тогда еще только обретающего черты универсальности, а фактически и от того понимания предмета экономической науки, который только складывался и стал господствующим уже в XX в.

По иронии истории или в подтверждение эволюционной идеи о принципиальной невозможности предугадать будущее эволюционные идеи

¹ *Veblen T. Why Is Economics not an Evolutionary Science? // The Quarterly Journal of Economics. 1898. July. P. 373—397. См.: Веблен Т. «Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной?»* на с. 10—32 настоящего издания.

² *Маршалл А. Принципы экономического анализа. Т. 1. М.: Прогресс, 1983. С. 53.*

Подбор и редактирование этого раздела осуществлены при поддержке гранта ГУ ВШЭ № 06-04-0058.

проникали в экономическую науку по различным направлениям. Конечно, идея рассматривать человека в широком социальном контексте всегда имела сторонников. Неслучайно исследовательская программа Веблена связана с институционализмом и неслучайно сегодня можно выделить институционально-эволюционное направление, которое в каком-то смысле можно считать воплощением замысла Веблена. Однако здесь всегда существовала опасность слишком далеко уйти из области, которую можно назвать экономической³.

Сегодня особенно заметно направление, возникшее как критика ортодоксии, но в рамках ее же предметной области. Его возникновение было связано не столько с осознанием ущербности модели экономического человека, сколько — более широко — с осознанием принципиальной статичности оптимизационной модели и ее неадекватности задаче исследования поведения экономических агентов в экономике как сложной системе. И на этом пути было несколько важных этапов.

Конечно, начало было положено Йозефом Шумпетером в «Теории экономического развития», центральная идея которой состояла, в конечном счете, в том, что развитие несводимо к простому расширению масштабов, а неотделимо от появления нового. Но эта «инновационная перспектива» не нашла широкого отклика у теоретиков, занятых совершенствованием моделей экономического роста. Затем дорогу эволюционной парадигме проложила критика ортодоксии со стороны тех, кто проникся интересом к проблеме неопределенности и усомнился в пригодности ортодоксальной модели для анализа мира, в котором господствует неопределенность. Известно, в 1920-е гг. интерес к такого рода проблемам проявляли многие, включая таких ученых, как Джон Мейнард Кейнс и Фрэнк Найт. Но это не были прямые атаки на методологические основы находящейся на подъеме ортодоксии. В этом смысле вторая половина 1930-х — начало 1940-х гг. были даже более значимыми. В 1941 г. появились две важные в этом смысле работы: Ф. Нортропа, в которой отрицалась возможность построения динамической теории в рамках ортодоксальной теории⁴, и Тинтнера, в которой утверждается, что неопределенность и оптимизационная модель поведения — две вещи несовместные⁵.

Эту линию критики ортодоксии продолжил Армен Алчиан в своей знаменитой статье 1950 г., перевод которой представлен в данном разделе.

³ Здесь нельзя не вспомнить Ф. Хайека, которого всегда и справедливо упоминают в связи с эволюционной парадигмой в общественных науках, но которого трудно отнести к экономистам-эволюционистам.

⁴ *Northrop F.S.C. The Impossibility of a Theoretical Science of Economic Dynamics // The Quarterly Journal of Economics. 1941. Vol. 56. Nov.*

⁵ *Tintner G. The Theory of Choice under Subjunctive Risk and Uncertainty // Econometrica. 1941. Vol. 9. P. 298—304; Ibid. P. 305—311.*

Но в отличие от предшественников, Алчиан опирается на некоторые основополагающие идеи эволюционной парадигмы, в частности на идею взаимодействия объекта и среды и активной роли последней в отборе успешных организмов. Это взаимодействие и является, в конечном счете, источником кумулятивного процесса развития с непредсказуемым результатом. Критикуя оптимизационную модель или, даже можно сказать, уточняя границы ее применения, Алчиан не ставил под сомнение принцип целенаправленного поведения и перенесения методов эволюционной биологии на экономическую почву, как это может показаться из часто упоминаемой в эволюционной литературе работы Эдит Пенроуз⁶. Алчиан выступил с призывом пересмотреть модель индивидуального поведения для случая неопределенности и неполной информации и внести изменения в методологические принципы анализа (например, использовать популяционный подход, принцип адаптивного поведения, включающего имитационные процедуры и метод проб и ошибок, и т.д.).

Статья Алчиана обозначила направление дальнейших усилий и во всяком случае не оставила сомнения в том, какой экономический субъект должен интересовать экономиста-эволюциониста, — фирма. При этом, признавая эндогенный характер случайности, автор не только не прояснял механизма нелинейного взаимодействия участников, но и не обращался к инновационной деятельности как к одному из ее источников. А именно здесь, как показала дальнейшая история, обозначился плодотворный альянс шумпетерианских представлений и эволюционного мировоззрения.

Сегодня ландшафт эволюционной экономики достаточно сложен. Что, зачем и каким образом экономисты заимствуют у эволюционной парадигмы, как их теоретизирование соотносится с микроэкономической теорией, с одной стороны, и с реальностью, с другой? Все эти вопросы неизбежно возникают при попытках осмыслить место эволюционной экономики в современной экономической науке, и в частности ее отношения с микроэкономической теорией. Ответы на многие из этих вопросов, можно сказать, из первых рук предлагаются в статье Ричарда Нельсона и Сидни Уинтера (ее перевод также включен в данный раздел). Эти авторы являются сегодня классиками направления, сформировавшегося на стыке теории фирмы, эволюционных идей, теории сложных систем, исследований НИОКР, отраслевой экономики и других разделов, — направления, которое сегодня особенно быстро развивается, хотя и остается гетерогенным по отношению к экономическому мейнстриму. Однако следует упомянуть и о других направлениях в рамках эволюционной экономики: о связанном с анализом эволюции институтов и ведущим начало от работ К. Менгера, Л. Мизеса и Ф. Хайека и кончая Дж. Ходжсоном⁷, П. Дэви-

⁶ Penrose E.T. Biological Analogies in the Theory of Firm // American Economic Review. 1952. Vol. 42. P. 804—819.

⁷ Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. М.: Дело, 2003.

дом⁸ и др.; о тех, что связаны с анализом механизмов принятия решений, эволюционной теорией игр, развитием методов симуляционного анализа и т.д.

Данный раздел, разумеется, не может претендовать на исчерпывающее представление о современной эволюционной экономике, ее ретроспективе или перспективе. Для этого требуется знакомство с книгой Нельсона и Уинтера⁹, работами Джеральда Сильверберга, Джованни Доси, Пьера Паоло Савиотти и многих-многих других¹⁰. Однако публикация статей Веблена и Алчиана, без упоминания которых не обходится почти ни одна работа по эволюционной экономике, статьи Нельсона и Уинтера о том, как эволюционные идеи принимаются современной экономической наукой и ее изменяют, и работы Витольда Квашницкого, дающей обширную историческую панораму проникновения эволюционных идей в экономику, предлагает некоторый «ускоренный» вариант знакомства с данной темой. Одновременно представленные работы являются необходимым дополнением к уже имеющимся у нас публикациям: книге Нельсона и Уинтера, статье Сильверберга, Доси, книги Ходжсона и другим исследованиям, в том числе и отечественных экономистов¹¹.

© Макашева Н.А., 2006

⁸ Дэвид П. «Клино и экономическая теория QWERTY» (см. перевод этой статьи на с. 139—150 настоящего издания).

⁹ Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Финстатинформ, 2000.

¹⁰ См., например: Technical Advance and Economic Theory / Dosi G. et al. (eds.). L., 1988; Metcalfe J. Evolutionary Economics and Creative Destruction. L.: Routledge, 1998; Saviotti P. Technical Evolution, Variety and the Economy. Cheltenham: Edward Edgar, 1996.

¹¹ См., например, Доси Дж., Нельсон Р. Введение в эволюционную экономическую теорию // Вестник молодых ученых. Экономические науки. 1999. № 4; Сильверберг Д. Моделирование эволюционных процессов в экономике // Вестник молодых ученых. Экономические науки. 2000. № 6; Маевский В.И. Эволюционная теория и макроэкономика // Вопросы экономики. 1997. № 3.

Торстейн Веблен

ПОЧЕМУ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ДИСЦИПЛИНОЙ?

Недавно де Лапуж <M.G. de Lapouge> сказал: «Антропология призвана осуществить в политических и социальных науках революцию, по своей радикальности сравнимую с переворотом, который бактериология произвела в науке медицинской»¹. В отношении экономической науки известный антрополог неодинок в своем мнении: эта дисциплина нуждается в реабилитации. Как критика, так и пожелания, содержащиеся в высказывании Лапужа, находят отклик у многих антропологов, а также у ученых, ведущих исследования в смежных областях. Можно сказать, что многие исследователи, занимающиеся серьезной работой в современной антропологии, этнологии и психологии, равно как и в собственно биологической науке, единодушны во мнении, что экономика безнадежно отстала от времени и не в состоянии работать со своим предметом на уровне требований к современной науке. Другие социальные и политические дисциплины заслуживают тех же упреков, и, пожалуй, с не меньшими основаниями. Было бы неверным утверждать, что экономисты глухи к этим упрекам. Сегодня, вероятно, ни один экономист не осмелится или не пожелает утверждать, что наука достигла должной степени строгости как в том, что касается получаемых результатов, так и в отношении фундаментальных характерис-

Перевод выполнен по: *Veblen T. Why Is Economics not an Evolutionary Science? // The Quarterly Journal of Economics. 1898. July. P. 373—397.*

¹ *Lapouge M.G. de. The Fundamental Laws of Anthro-sociology // Journal of Political Economy. 1897. P. 54* (по сути, эта же статья публиковалась в: *Rivista Italiana di Sociologia. 1897. Nov.*).

тик теории. В настоящее время подобные идеи, пожалуй, более всего близки такому известному экономисту, как профессор Маршалл, который полтора года назад выразил соответствующую позицию в своем Кембриджском обращении². Однако его высказывания так далеки от самоуверенной риторики, с которой выступали экономисты-классики полвека назад, что читателей обращения профессора Маршалла более всего изумляют чрезмерная скромность и неуместная сдержанность оценок, с которой выступает представитель «старого поколения». По поводу экономистов, на способность которых указать путь другим возлагаются наибольшие надежды, следует заметить, что их неуверенность относительно результатов прошлых и качества настоящих исследований, а также относительно перспектив научного поиска настолько широко распространена, что сомнения подобного рода можно считать обоснованными. Даже историческая школа, новаторство которой некоторое время назад вызывало такое обилие доморощенных похвал, оказалась неспособной выдержать темп, ею самой же заданный.

Люди науки, с гордостью именующие себя «современными», упрекают экономистов в том, что те по сей день довольствуются совершенствованием структуры, доктрин и максим, базирующихся на понятиях естественного права, утилитаризма и целесообразности. Эта критика не вполне заслужена, но достаточна, чтобы задеть экономистов. Так называемые «современные» науки являются эволюционными дисциплинами, и их адепты не без самодовольства подчеркивают это обстоятельство. Экономисты признают: их наука не относится к разряду эволюционных; с завистью и с ощущением бесперспективности состязания взирают они на соперников, выставляющих напоказ свое соответствие «современному уровню».

Вопрос о том, чего именно недостает политическим и социальным наукам, в том числе экономике, чтобы стать эволюционными, весьма непросто. По крайней мере сколько-нибудь удовлетворительных ответов на него критики этих наук не предлагают. Представители успешных соперников этих наук, в том числе занятые изучением природы человека, заявляют, что главным отличием их

² См.: *Marshall A.* The Old Generation of Economists and the New // *The Quarterly Journal of Economics.* 1898. Jan. P. 133.

подходов является реалистичность: они имеют дело с фактами. Но в этом смысле экономическая наука тоже реалистична: она работает с фактами, причем часто весьма скрупулезно, а в последнее время все более настойчиво подчеркивает исключительную важность работы с фактическим материалом. Но подобный «реализм» не делает экономическую науку эволюционной дисциплиной. Настойчивое подчеркивание значения работы с фактическими данными едва ли способно поднять ее на уровень выше того, что был достигнут первым поколением исторической школы; вместе с тем ни одно из направлений экономики не было столь далеко от требований эволюционной науки, как направление, вышедшее из исторической школы. Огромная эрудиция и широта исследований представителей этой школы не смогли сделать из нее науку, поскольку, будучи последовательными, они довольствовались расчетами и описаниями процесса промышленного развития, не пытаясь при этом предложить теоретическую концепцию или обобщить результаты своих изысканий до уровня научного знания.

Любая эволюционная наука, напротив, привержена теории. Это теория процесса, теория развертывающейся последовательности событий. С данной точки зрения экономика, казалось бы, соответствует требованиям, но это все равно не убеждает ее критиков. Следует согласиться, например, с тем, что выдвинутые Джоном Стюартом Миллем доктрины производства, распределения и обмена являются теориями определенного экономического процесса и что он скрупулезно и плодотворно рассматривает последовательности событий, которые и составляют предмет его исследований. Так и работы Джона Кэрнса о нормальной ценности <value>, о заработной плате и международной торговле служат прекрасными примерами теоретического осмысления экономических процессов как последовательного и упорядоченного развития событий. Но попытка упоминания Милля и Кэрнса в качестве представителей эволюционной экономики если и может вызвать какую-то реакцию, то только недоумение. В этом же ключе и с похожим результатом можно говорить и о значительной части работ по теории денег. Нечто подобное верно даже и в отношении недавних работ тех авторов, которые открыто признали, что разделяют точку зрения эволюционной экономики; например, таких, как профессор Хэдли, работы ко-

торого известны своим бесспорно высоким научным уровнем и исключительной широтой. В известной мере Хэдли придерживается заявленных позиций, однако утверждение, что его «Экономика» переводит политическую экономию в разряд эволюционной науки, не было бы убедительным ни для самого автора, ни для его аудитории. Примерно то же самое вполне можно сказать и об опубликованных в последнее время работах группы английских экономистов, в качестве наиболее ярких представителей которой можно назвать профессоров Каннингхэма и Эшли, а также господина Кэннана.

Наука может по праву гордиться достижениями последних поколений экономистов-классиков; однако и их работы не вполне удовлетворяют требованиям эволюционной науки, причем не потому, что эти ученые не смогли предложить теорию процесса или причинно-следственных связей, лежащих в основе развития, а потому, что они сформулировали основы своей теории в понятиях, чуждых эволюционному образу мышления. Различие между эволюционными и доэволюционными дисциплинами состоит вовсе не в том, какое значение придается работе с фактическим материалом. Огромная и плодотворная работа по сбору и упорядочению фактического материала проводилась в естественных науках задолго до того, как последние приобрели черты, характерные для эволюционной науки. Не связано это различие и с отсутствием в доэволюционный период попыток сформулировать и объяснить логику процесса, последовательность, рост, развитие. Усилия такого рода, многократные и многообразные, предпринимались; многие схемы развития, отличавшиеся большой изощренностью и стройностью, приобрели известность в качестве теорий развития органической и неорганической природы, а также *стран и народов*. Не вполне верно и то, что, формулируя теории и сводя получаемые данные к категории знаний, экономисты старшего поколения прошли мимо причинно-следственных связей. Просто термины, которые ранее принимались как строгие научные понятия, несколько отличались от тех, что используются сейчас. Термины, в которых два-три поколения назад исследователи формулировали фактическое знание, на заключительных стадиях анализа отличались от терминов, в которых формулируют свои результаты представители современных эволюционных дисциплин. Различны как исходные основы анализа, так и требования к его завершенности или полноте.

Разница (между эволюционным и доэволюционным подходами) заключается в мировоззренческих позициях или точках зрения ученых разных поколений. Иными словами, это разница в способах оценивания фактов, или в характере научного подхода к этим фактам. Ученые, принадлежащие и к старшему, и к более молодому поколениям, в качестве таковых оснований рассматривали каузальные связи, которые, как они считали, существуют между фактами. В наибольшей степени это присуще естественным наукам. Но в том, что касается более глубоких вопросов, а именно логики причинно-следственных связей при формулировке конечных результатов исследований, позиции старшего и молодого поколений расходятся. Современный ученый не считает возможным отказаться от проверки каузальных связей или количественных закономерностей. Когда он задается вопросом «почему?», ответ должен формулироваться в категориях причин и следствий. Современный ученый стремится свести решения всех проблем к понятиям сохранения энергии, неизменности количества и т.п. Это его последнее прибежище. И именно *на этом уровне* в наши дни стали возможными разработки схем развития и теорий единого процесса на основе понятия кумулятивной каузальности. Большая заслуга лидеров эволюционного направления — если они вообще имеют большие заслуги в качестве лидеров — состоит, с одной стороны, в том, что они не ушли от исследования обезличенных последовательностей явлений и перестали пытаться найти высшие основания для завершающего синтеза, и, с другой стороны, в том, что они показали, как благодаря своему кумулятивному характеру эта обезличенная последовательность причин и следствий может приобрести очертания теории.

Для ранних ученых-естественников, так же как и для экономистов-классиков, основа причинно-следственных связей не была точно определена. Механистические формулировки не удовлетворяли их представлениям об истинности и реальности. В основе их подхода к систематизации знания лежало представление о *естественном законе*. По их ощущениям, естественный закон осуществляет своего рода коэрцитивный надзор за последовательностями событий и повсеместно придает устойчивость и смысл причинным связям. Чтобы соответствовать высоким стандартам классики, последовательность явлений, и в особенности процесс развития, должны рассмат-

риваться в их устремленности к некоторой цели, соответствующей духовным требованиям. Когда факты и явления оказываются сведенными к фундаментальным категориям истины и приводятся в соответствие с требованиями конкретной нормы, исследователь удовлетворен работой. Любая каузальная последовательность, которая воспринимается как не соответствующая *предопределенным событиям*, считается отклонением. Таким образом, соответствие определенной логике событий создает адекватную основу для процедуры систематизации знания или построения схем развития. Целью, основной точкой приложения сил ученых, работающих в рамках этой классической традиции, является формулирование знания в понятиях абсолютной истины; и эта абсолютная истина есть факт духовного характера. Это означает, что реальность должна находиться в полном соответствии с соображениями просвещенных умов и здравым смыслом.

Развитие и усложнение этих изначальных заданных представлений о нормальности или о наличии причин, определяющих события, вероятно, заслуживает детального рассмотрения — от примитивного анимизма к изощренным метафизическим дисциплинам, оперирующим понятиями судьбы, провидения, естественного порядка, естественных прав, естественных законов и основополагающих принципов. Здесь же необходимо подчеркнуть, что по своей природе и по психологическому содержанию эта устанавливающая некие рамки нормальность согласуется с фактами на уровне духовного. Во имя научных целей исследуемым фактам приписывается связь с духовным началом. Интерес представляет то, как это изначальное заданное представление о нормальности сосуществует с современной наукой и как оно утрачивает интеллектуальное превосходство и вытесняется представлениями о причинно-следственных связях, в основании которых лежат недуховные факторы. Это представляет интерес, поскольку проливает свет и на вопрос о том, каковы шансы, что архаическая культура сохранится в методологии экономической науки.

В примитивных условиях человек вступает в непосредственный личный контакт с материальными фактами окружающей среды; и ум, и сила индивида проявляются непосредственным образом в

его воздействию на окружающую среду и со всей очевидностью — в обустройстве условий жизни. В своей повседневной жизни примитивный человек не видит обезличенных и механических закономерностей в происходящих событиях, а если нечто подобное и наблюдается в процессах окружающей его дикой природы, то оно по большей части оказывается необъяснимым и считается загадочным. Эти события воспринимаются в качестве неблагоприятных или благоприятных и истолковываются на основе тех понятий, которые знакомы всем людям из их личного опыта, — понятий, основанных на знании, приобретенном людьми в процессе их деятельности. Загадочная смена времен года, движения сил природы воспринимаются как действия, которые, подобно человеческой деятельности, управляются неким разумом, волей, устремленной к некой цели. Процессы, происходящие в неживой природе, — это силы, свойства которых следует изучить, которые нужно сдерживать, обходить, а также использовать, подобно тому, как люди используют животных. В то же время размеры человеческих сообществ невелики, и соответственно контакты индивида с другими людьми ограничены. Раньше ни в производственной, ни во внепроизводственной жизни неумолимый обезличенный ход событий, сопротивляться которому или изменить который никому не дано, не был так очевиден для человека, как это имеет место на более поздних этапах развития человеческого общества, в более крупных человеческих обществах, живущих более сложной жизнью. Не существует никаких серьезных обстоятельств, которые препятствовали бы человеку формулировать свои знания о фактах и событиях жизни с позиций отдельной личности — в терминах привычек, склонностей и силы воли.

С течением времени и по мере удаления от архаической модели — когда это действительно происходит — условия, в которых человек осуществляет систематизацию фактов, изменяются таким образом, что обезличенный характер последовательностей событий все больше выходит на передний план. Расплата за неспособность к беспристрастным трактовкам фактов становится все более неотвратимой и скорой. Ход событий все более последовательно воздействует на умы людей. По мере расширения знания и поиска, человек все менее склонен усматривать в событиях направляющую руку или высший промысел. В современной жизни, особенно в индуст-

риальных странах, этот неизбежный сдвиг человеческого мышления в сторону большего реализма проявляется особенно ярко; он выражается в неохотном, но последовательном отходе от архаических представлений. Этот отход наиболее заметен и значителен в тех отраслях знаний, которые наиболее связаны с повседневной жизнью людей и непосредственно взаимодействуют с развитием современной техники — в таких, как инженерные и технологические дисциплины. Имея дело с технологическими процессами и последовательностями причин и следствий, эти отрасли знания продвинулись по такому пути (интеграции или дезинтеграции — в зависимости от точки зрения на этот вопрос) дальше других наук. Те же дисциплины, которые дольше были привержены архаическим представлениям, как, например, нравственные, социальные или гуманитарные науки, имеют дело с процессами и последовательностями, которые труднее проследить, прочувствовать, где не так очевидно, что ход событий обусловлен объективными причинно-следственными связями, а не целенаправленным воздействием внешней силы.

Переход от доэволюционных к постэволюционным представлениям не может быть скачкообразным. Даже в тех естественных науках, которые имеют дело с процессами в живой природе и эволюционными последовательностями событий, концепция объективной кумулятивной каузальности часто и значимо подкреплялась ощущением, что во всех этих процессах присутствует вектор движения к лучшему, который накладывает ограничения на характер и направление причинно-следственных связей. Вера в этот вектор как полезное для науки понятие постепенно ослаблялась и неоднократно оспаривалась; но сказать, что она ушла из научного оборота, было бы преувеличением.

Процесс изменения представлений, или понятий, в которых наиболее точно и полно воплощалось знание, происходит постепенно, и он, хотя и в разной степени, свойствен всем наукам. Экономическая наука не является исключением, но она по-прежнему апеллирует понятиями «естественного» и «нормального», «истины» и «тенденций», «регулирующих принципов» и «возмущений» слишком часто, чтобы ее можно было считать эволюционной наукой. История науки — это длинный и не прямой путь распада анимизма, от времени схоластов с их взглядом на ростовщичество сквозь призму

его соответствия божественным принципам, до физиократов, опиравшихся на понятия «*ordre naturel*» и «*loi naturelle*», в соответствии с которыми определялось, что является истиной и, устанавливая логические соответствия, управляет ходом событий. Некоторые изменения прослеживаются от Адама Смита, который нашел решение проблемы в регулирующих действиях «невидимой руки», к Миллю и Кэрнсу, которые сформулировали законы «естественной» заработной платы и «нормальной» ценности; Милль был настолько удовлетворен своей работой, что сказал: «К счастью, в законах стоимости нет ничего, что осталось бы выяснить современному или любому будущему автору; теория этого предмета является завершённой»³. Но различия между ранними и позднейшими представлениями экономистов — это различия в степени, а не в сути.

Позиции, на которых стоят экономисты-классики, выходя на наивысший или завершающий уровень синтеза и обобщений, было бы уместным назвать формально адекватными. Сформулированные классиками законы были законами нормального, или естественного, состояния, к которому, в соответствии с их представлениями, в силу самой природы вещей устремлены все процессы. В результате возникает тенденция к формированию представлений, которые подготовленным, просвещенным общественным сознанием своего времени воспринимаются как адекватный или достойный результат человеческих усилий. Это проекция общепринятого идеала поведения, созданного для того, чтобы служить в качестве канона, причем такого, что исследователь удовлетворяется лишь апелляцией к признанию его в качестве данности, стоящей за фактами, с которыми он непосредственно имеет дело, и в качестве «руководящих принципов», которые, как считается, неосызаемо присутствуют в основе изучаемых процессов, и в качестве «тенденций», определивших наблюдаемую картину. Примером проявления этого канона может служить история «гипотез», которые играют столь большую роль в классическом анализе институтов: утвердившиеся приемы расчетов в начале бартерных обменов воображаемых охотников, рыбаков и кораблестроителей, или человека с рубанком и человека с двумя рей-

³ *Mill J.S. Principles of Political Economy. 1848. Book III. Ch. I* <цит. по: Милль Дж. Основы политической экономии. Т. 2. М.: Прогресс, 1980. С. 172>.

ками, или человека с корзиной яблок и человека с корзиной орехов⁴. В этом же ряду стоят характеристики денег как «великого колеса обращения»⁵ или как «средства обмена». Деньги рассматриваются здесь не с точки зрения причинных связей, а с точки зрения той задачи, которую «в нормальном случае» они должны решать в соответствии с идеалом экономической жизни, избранным данным автором.

Особенно в работах более поздних авторов эта терминология, несомненно, должна была восприниматься лишь как удобная метафора, в которой концепция нормальности и целенаправленности процессов уже практически не присутствовала. Именно как образные выражения, применяемые при формулировке теории, классические понятия нормальности все еще присутствуют в современной экономической науке, но эта простая вещь — использование неопределенных выражений в качестве основополагающих понятий теории — не позволила экономике совершить переход в разряд современных наук. Метафоры полезны для проповеди и как средство, сберегающее усилия при изложении той или иной позиции. Они даже более полезны, чем могли предположить их авторы. С их помощью теоретик может без зазрения совести уйти от необходимости прояснения закономерностей, лежащих в основе причинно-следственных связей. Может он и без всяких опасений предлагать теории таких институтов, как деньги, или заработная плата, или землевладение, не опускаясь до рассмотрения реальных фактов, за исключением тех, которые легко подтверждают его схематические построения. Этот метод позволяет сформулировать теорию институтов или фаз жизни на основе принятого представления о некоем механизме, в котором и посредством которого развивается жизнь, о механизме, наделенном стремлением к равновесию в состоянии нормы, а также и теорию, описывающую условия, при которых это воображаемое равновесие достигается. Таким образом, мы оказываемся перед ли-

⁴ *Marshall A. Principles of Economics. Book V. Ch. II. L., 1980* <Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993. Т. 2. Кн. 5. Гл. 2. С. 17. Примеч. 1>.

⁵ *Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. L.: Dell and Sons, 1887. Book II. Ch. II.* <Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Наука, 1993. Кн. 2. Гл. 2. С. 418>.

цом теории ценности, основанной на издержках производства, которая стремится заполнить собой все аналитическое пространство, подобно природе, не терпящей пустоты. Функционирование промышленности, а также ее материальная структура описываются с помощью общепринятого набора понятий, и наблюдаемые движения этого *механически* действующего объекта сводятся затем к нормализованной схеме отношений. Схема, к которой мы таким образом приходим, на некотором высшем уровне связана с поведением рассматриваемых объектов. В соответствии с этой нормализованной схемой изменения того или иного сегмента действующего объекта происходят в зависимости от ценности, придаваемой ряду предметов и характеристик, принимаемых в расчет; затем конструируется формально непротиворечивая формула, которая описывает почти всю сферу промышленности. Это метод дедукции. Затем формула проверяется путем сравнений с наблюдаемыми процессами, при этом для сравнения используется «нормальный случай»; и таким образом результаты получают подтверждение путем индукции. Характеристики процесса, которые не вписываются в интерпретацию по данной формуле, относятся к разряду «аномальных случаев» и объясняются воздействием помех. При этом вопрос о субъектах или силах, которые обуславливают процесс экономической жизни, старательно обходится. Результатом применения такого метода в лучшем случае является набор логически непротиворечивых суждений об относительно нормальных взаимосвязях предметов — система экономической таксономии. В худшем же случае это набор максимум предназначенных для ведения бизнеса и обсуждения спорных вопросов политики.

Таким образом, в экономической науке происходят процессы, являющиеся продолжением тех, что происходили в естественных науках некоторое время назад. В естественных науках таксономическая работа была и остается исключительно ценной, но ученых перестало устраивать стремление к симметрии и систематизации. Они стали задаваться вопросами о причинах (сущего и происходящего), и от рассмотрения структуры коралловых рифов они перешли к исследованию структуры и образа жизни полипов, живущих на них и рядом с ними. В области изучения растений работа по систематизации продолжается, но предметом исследований и дис-

куссий, которые ведут ботаники в настоящее время, является скорее биологическая значимость той или иной характеристики структуры, функции или материи, чем их таксономические аспекты. Все разговоры вокруг цитоплазмы, центросом и кариокинетического процесса свидетельствуют о том, что теперь исследования обращены к процессам жизни и нацелены на их объяснение в терминах кумулятивной каузальности.

Какую работу таксономического характера можно проделать в области экономической науки, наилучшим образом демонстрируют труды Кэрнса, в которых метод тщательно продуман, а результаты хорошо сформулированы и эффективно применены. Кэрнс мастерски обращается с представлением о нормальном в экономической жизни. Метафизическая идея о предначертанном характере процессов у него уже не определяет построение теории, а представление о тенденции к совершенствованию и гармонии интересов более не является отправной точкой при доказательстве легитимности сложившейся в данный момент экономической ситуации. В экономических работах Кэрнса в меньшей степени, чем у его предшественников, присутствует вера. Он все еще использует понятия нормальности и естественного закона, однако метафизика, которая стоит за его обращением к понятию нормальности, так далека от старого «естественного порядка», что стала, по крайней мере номинально, обезличенной и способной развиваться без постоянной оглядки на гуманитарную составляющую «тенденций», которые она формулирует. Эта метафизика свелась к чему-то, по своей обезличенности приближающемуся к такому пониманию естественного закона, которое свойственно натуралисту. Это естественный закон, который в виде «регулирующих принципов» накладывает ограничения на происходящее; но уже более не считается, что он накладывает ограничения в интересах некоторых внутренних целей человека. Идея блага в высоком смысле почти полностью изжита, и система сформулирована на основе своих собственных понятий. После Кэрнса, в частности его теоретических работ, экономическая наука почти превращается в таксономию ради таксономии.

Ни один столь же талантливый автор так не преуспел в превращении экономики в «идеально унылую» науку, как Кэрнс, когда он занимался теоретизированием о чистой науке. Во времена старых

экономистов-классиков экономическая наука питала живой интерес к рядовому обывателю и основывалась в своих метафизических изысканиях на здравом смысле. В руках более поздних представителей классической школы наука утратила значительную часть этой своей прелести. Она перестала быть выражением здравого смысла своего времени, как чего-то, заслуживающего внимания; по этой причине наука потеряла общественную поддержку, поскольку люди не способны интересоваться тем, что их не касается; кроме того, наука была далека от того реалистического или эволюционного способа мышления, который активно формировался в середине века в естественных науках. Экономика не занималась ни метафизикой жизни, ни эмпирическим анализом и почти не получала поддержки извне. В последней трети века наука вызывала интерес только у тех, кто, по счастливому стечению обстоятельств рождения или образования, оказался способным сохранить склонность к таксономии. В результате с того времени, когда таксономическая структура науки наконец выступила во всей своей законченности, целостности, симметрии и незыблемости, сами экономисты, начиная с Кэрнса, стали все больше тяготиться этой неизменностью и прикладывали немало усилий к тому, чтобы придать системе динамизм. Ученые классического направления стремились главным образом к созданию более законченной и полной схемы (происходящих) изменений. В это время идеалы таксономии были выброшены на свалку истории, при сохранении представлений, на которых они базировались. Позднее ученые австрийской школы выступили с теорией процесса, но к настоящему времени зашли в полный тупик, поскольку процесс, которым они решили заняться, не являлся, в соответствии с их собственным пониманием, кумулятивной или разворачивающейся последовательностью.

О чем все это свидетельствует? Если нас не устраивают доктрина заработной платы, подобная таксономии однодольных, и теория процента, схожая с описаниями споровых растений, всех их спиралевидных, гнездоразрывных, пушистых и нитевидных разновидностей, то *что* для нас может сыграть роль цитоплазмы, centrosомы или кариокинетического процесса, обращаясь к *чему* мы могли бы уйти от метафизических представлений о нормальном и о

регулирующих принципах? Что мы намерены делать в этой связи? Скорее даже: что мы делаем в этой связи? Существует процесс экономической жизни, который в большой степени нуждается в теоретическом анализе. Активный материал, в котором разворачивается экономический процесс, — это человеческий материал промышленного сообщества. Применительно к экономической науке процесс кумулятивных изменений, нуждающийся в объяснении, — это последовательность изменения способов, с помощью которых совершаются действия с материальными средствами жизни.

Что было сделано для постижения этого процесса экономической жизни? Пути и способы использования материальных объектов и обстоятельств в любой момент времени представляются исследователю как некие механические приспособления и устройства для достижения определенных механических целей. Поэтому было просто принять эти пути и способы в качестве неких приспособлений, имеющих ту или иную механическую структуру и, таким образом, служащих материальным целям человека. Как таковые они были описаны и классифицированы экономистами под общим названием капитала, причем капитал понимался как масса материальных объектов, предназначенных для использования человеком. Этого вполне довольно для целей таксономии, но это не метод рассмотрения предмета при разработке теории развития. При решении последней задачи, рассматриваемые как предметы, задействованные в процессе кумулятивных изменений, или как элементы схемы жизни, эти производительные блага являются воплощением человеческих знаний, навыков и пристрастий; т.е. они являются, по существу, преобладающим образом мысли и именно в этом качестве включаются в процесс индустриального развития. Физические свойства материалов, доступных человеку, неизменны: изменяется человек, его понимание, его представление о том, как они могут использоваться в целях развития. Накопление благ, уже доступных человеку, определяет то, как он обращается с имеющимися материалами и использует их, но даже с этой точки зрения — с точки зрения «ограничений промышленности со стороны капитала» — ограничением является то, что человек в состоянии делать, и методы, которыми он при этом пользуется. Изменения, происходящие в технических средствах, — это выражение изменений в человеке. Изменения в материальных

объектах порождают дальнейшие изменения только через человека. Источник непрерывности, целостности развития следует усматривать в человеческом материале; поэтому, если движущие силы процесса экономического развития вообще следует изучать, то их нужно изучать именно здесь. Если науке суждено перейти в разряд эволюционных наук, ее предметом должна стать экономическая деятельность.

Во всем этом нет ничего нового. Но известность данного факта делает его еще более значимым. Это факт, получивший всеобщее признание в ходе большинства последних дискуссий, и такое признание является существенным шагом к тому, чтобы сосредоточить на данном факте исследования и обсуждения. Если экономика будет развиваться по тому же пути, что и другие науки, изучающие процессы жизни, то общее направление, по которому следует двигаться, ясно.

Экономисты классического направления не совершили никаких серьезных попыток расстаться с таксономическим подходом и привнести в свою науку генетический подход к описанию жизни. Как уже говорилось, это в большой степени верно и в отношении исторической школы. Представители последней пытались рассматривать процесс развития, но при этом тяготели скорее к додарвинистской линии рассуждений, чем к той, которую современная наука сочла бы эволюционной. Их исследования имели описательный характер и не были генетическим анализом разворачивающегося процесса. В своей работе они, несомненно, добились результатов, имеющих непреходящую ценность; но достигнутые результаты вряд ли можно квалифицировать как экономическую теорию. С другой стороны, австрийцы и их предшественники, а также их сторонники в дискуссии о ценности, сосредоточились на отдельной части экономической теории и с большой тщательностью изучили процесс возникновения некоторых явлений в пределах этого ограниченного (исследовательского) поля. Всю дискуссию о предельной полезности и субъективной ценности как о результате процесса оценивания следует рассматривать как генетическое исследование фактов определенного типа. Но и в этом случае с точки зрения реабилитации экономической теории как целого эта дискуссия никаких плодов не принесла. Исходя из того что выразителем позиции австрийцев по

этому кругу вопросов был Карл Менгер, следует сказать, что в целом они обнаружили неспособность порвать с классической традицией, представляющей экономику как таксономическую науку.

Причина этой неудачи австрийской школы, по-видимому, заключается в ложной концепции человеческой природы — ложной с точки зрения данной цели, однако, возможно, вполне адекватной другим задачам. Во всех имеющихся формулировках экономической теории, разработанных как английскими экономистами, так и учеными континентальной Европы, человек рассматривается с позиций гедонизма; иными словами, он представляется как пассивная и инертная, а также неизменная в своей данности человеческая сущность. Физиологические и антропологические концепции, из которых исходили экономисты, использовались уже несколькими поколениями исследователей в психологии и социальных науках. Гедонистическая концепция уподобляет человека быстродействующей машине для исчисления ощущений наслаждения и страдания, который вибрирует как некая однородная глобула стремления к счастью и приходит в движение под воздействием стимулов, оставаясь при этом неизменной. У него нет ни прошлого, ни будущего. Он представлен изолированным субъектом, находящимся в устойчивом равновесии, которое нарушается лишь под ударами внешних сил, перемещающих его то в одном, то в другом направлении. Удерживающий равновесие в пространстве стихии, он симметрично вращается вокруг собственной духовной оси до тех пор, пока не окажется во власти параллелограмма сил и не последует в направлении результирующей. Когда сила толчка исчерпывается, он приходит в состояние покоя, в прежнее состояние глобулы желания. В духовном отношении гедонист не является инициатором перемен. Не на нем держится процесс жизни, он, разве что, является объектом серии изменений, которые производят с ним обстоятельства, по отношению к нему внешние и чужеродные.

Современная психология, получившая новое подкрепление от новейших антропологических исследований, предлагает иное понимание человеческой природы. В соответствии с этой концепцией человеку свойственно что-то делать, а не просто наслаждаться и страдать под воздействием неких сил. Он не просто сгусток желаний, подлежащих удовлетворению в результате взаимодействия с

внешней средой, а гармоничная структура склонностей и привычек, которая реализуется и выражается в процессе деятельности. В соответствии с этим взглядом человеческая деятельность, и в том числе экономическая, не рассматривается как нечто вторичное по отношению к процессу удовлетворения тех или иных желаний. Деятельность сама по себе представляется явлением существенным, а желания, к ней побуждающие, являются проявлением темперамента и определяют конкретное направление деятельности в том или ином случае. Для индивида, рассматриваемого как агента, предпринимающего некие действия, эти характерологические условия играют основную и решающую роль, определяя его позицию в этом процессе. Однако с точки зрения науки они представляют собой элемент рамок, в которых мыслит агент, результат предшествовавшей жизни. Они порождаются наследственностью и опытом агента, приобретенным под воздействием традиций, принятых конвенций и материальных условий; они же формируют условия для следующего шага в этом процессе. Экономическая история жизни индивида — это кумулятивный процесс адаптации средств к целям, изменяющимся по мере развития процесса, когда и агент, и окружающая его среда являются результатами предшествующего процесса. Методы, с помощью которых он устраивает свою жизнь на сегодняшний день, продиктованы привычками, перенесенными им из дня вчерашнего, а также материальными условиями вчерашней жизни.

Утверждения, касающиеся индивида, справедливы и в отношении группы, в которой он живет. Все экономические изменения — это изменения в хозяйственном сообществе, в методах, с помощью которых оно использует материальные предметы. Изменения в стереотипах мышления человека происходят при этом в последнюю очередь. Это верно даже в отношении технических аспектов развития промышленности. То или иное техническое устройство, предназначенное для решения каких-либо материальных задач, воздействует на дальнейшее развитие стереотипов мышления — привычных методов — и таким образом становится отправным пунктом как для дальнейшего развития способов достижения выдвинутых целей, так и для последующих изменений в самих целях. В этом процессе постоянных изменений не существует безусловно адекватного способа жизни, окончательных или абсолютных целей, ко-

торые могла бы рассматривать наука, чьей задачей является формулировка теории процесса экономической жизни. Сухим остатком является деятельность, направленная на достижение некоей объективной цели. Экономическая деятельность обладает телеологическими свойствами, в том смысле, что люди всегда и везде стремятся что-нибудь сделать. В чем именно эта деятельность заключается, невозможно определить без ее детального исследования; но коль скоро мы должны рассматривать жизнь человека как члена хозяйственного сообщества, нам приходится иметь дело с родовой характеристикой его деятельности как разворачивающейся деятельности телеологического типа.

Она может являться или не являться телеологическим процессом в смысле направленности на достижение какой-либо цели, квалифицируемой исследователем или сообществом исследователей как достойная или адекватная. Ответ на вопрос о том, является она таковой или нет, не входит в задачи данного исследования, и этот вопрос не представляет интереса для эволюционной экономики. Вопрос о наличии тенденций в развитии событий, очевидно, не возникает иначе, как из предпосылки или предположения о существовании субъекта, осуществляющего наблюдение за этой тенденцией. Поиск тенденции может опираться на идею о существовании безусловной цели, которую необходимо достичь, или на представление о правильном направлении развития событий. Это представление о верном направлении развития не предполагается эволюционной наукой, оно лежит вне ее предметного поля, которое образуют причинно-следственные связи тех или иных процессов. Поэтому в рамках эволюционного подхода не остается места для формулировки естественных законов в терминах фиксированной нормы, как в области экономики, так и в любой другой области исследований. Нет места и для другого вопроса, касающегося понятия нормального, — вопроса о том, какой должна быть цель обсуждаемого процесса развития.

История экономической жизни любого сообщества — это история его жизни, коль скоро она формируется интересом человека к материальным жизненным средствам. Этот интерес во многом определял и культурный рост всех сообществ. Прежде всего и очевиднее всего он влиял на формирование и общий рост того ряда кон-

венций и способов жизни, которые теперь преобразовались в институты; но тот же самый интерес пронизывал жизнь сообщества и его культурный рост и там, где возникшие в результате структуры не являются преимущественно и непосредственно структурами экономического характера. Экономический интерес сопровождает всю жизнь человека; будучи частью жизненного пути, он пронизывает и процесс культурного развития. Он повсеместно воздействует на культуру, так что можно утверждать, что все институты в некоторой степени являются экономическими институтами. Это именно так, коль скоро основой действия, его отправным пунктом, на любом этапе процесса является органический комплекс способов мышления, сформировавшийся в ходе прошлого процесса. Экономический интерес не изолирован, он лишь один из нескольких трудно поддающихся изоляции интересов, на которых основывается телеологическая деятельность индивида. В каждом случае индивид — лишь единичный агент, и он включается в каждый вид последовательной деятельности как целое, хотя отдельные цели, преследуемые при этом, могут достигаться на основе отдельных интересов, таких, как экономический, эстетический, сексуальный, гуманитарный, религиозный. Поскольку каждый из этих интересов является гранью единого агента — человека, с присущим ему комплексом способов мышления, выражение каждого из них находится под влиянием обычаев, сформированных с участием остальных. Поэтому существует ряд культурных явлений, которые не поддаются дроблению и могут быть четко обозначены как экономические институты, хотя категория «экономические институты» используется для обозначения тех институтов, в которых экономический интерес находит самое прямое и последовательное воплощение и экономическое происхождение которых проявляется наиболее непосредственно и с наименьшими ограничениями.

Из всего сказанного следует, что эволюционная экономика должна быть теорией культурного роста как процесса, определяемого экономическим интересом, теорией кумулятивной последовательности экономических институтов, сформулированной в терминах процесса. Если бы позволяло место, здесь следовало бы поподробнее рассмотреть попытки, предпринятые современными экономистами в этой области, с тем чтобы показать, в каком направлении

развивается соответствующая дискуссия. Очевидно, что сделано немало и большую часть проделанной работы с точки зрения указанной цели следует считать эффективной. Так, большая часть работы, проделанной исторической школой, и особенно ее позднейшими представителями, слишком значима для того, чтобы обходить ее молчанием, даже учитывая ограниченный объем статьи.

Теперь мы готовы вернуться к вопросу о том, почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной. Непременной целью таковой дисциплины должно быть рассмотрение кумулятивного процесса формирования экономического интереса в контексте культурного развития. Она должна быть теорией процесса экономической жизни расы или сообщества. Экономисты опираются на гедонистическую концепцию человеческой природы и человеческой деятельности, а концепция экономического интереса, предлагаемая гедонистической психологией, не обеспечивает достаточного материала для теории развития человеческой природы. В рамках гедонистической концепции экономический интерес не рассматривается в терминах действия. Поэтому она не предполагает и его рассмотрения и оценки с точки зрения кумулятивного развития способов мышления и, даже при наличии такого стремления, не способствует применению эволюционного метода. В то же время антропологические представления, характерные для обыденного понимания человеческой природы, к которым обычно апеллируют экономисты, не заставили их рассматривать человеческую природу с точки зрения кумулятивного процесса развития обычаев. Эти заимствования позволили использовать понятие нормализованных гипотетических оснований при анализе примитивного обмена, с которыми знакомы все читатели экономической литературы, а идеи нормализованных конвенций — при исследовании происхождения земельной собственности и земельной ренты или в философско-социологических дискуссиях о «функциях» различных классов в жизни общества или народа.

Экономика пока не встала на исходные позиции и точку зрения, необходимые эволюционной науке. Экономисты не располагали соответствующими материалами, и ничего, что могло бы подтолкнуть развитие событий в таком направлении, не произошло. Даже если это было бы возможно — в любой момент повернуть в

направлении эволюционного подхода в экономике, вероятность такого поворота невысока. До тех пор пока факты рассматриваются преимущественно с таксономических позиций и материал допускает применение этого метода, таксономический метод оказывается самым простым, приносит заметные и быстрые результаты и наилучшим образом вписывается в существующее знание о рассматриваемом предмете. Такова ситуация в экономике. Другие науки той же группы также принадлежали к разряду таксономических дисциплин, и в них отход от проверенных методов осуждался как показное новаторство. По протоптанным дорогам идти легко, они приводят в хорошую компанию. Продвижение по этим дорогам облегчает признание проделанной работы. Отклонение же от них означает экспериментирование, дающее отдаленные и фрагментарные результаты, ценность которых трудно предвидеть.

Только когда методы, используемые наукой, и синтез, являющийся результатом их применения, не согласуются с образом мышления, преобладающим при рассмотрении других проблем, ученого перестают устраивать имеющиеся в его области методы и точки зрения, и он ищет выход из этой ситуации. Как и другие люди, экономист — индивид, интеллект которого един. Он воплощает в себе обычаи и склонности, полученные от предшественников в виде традиций и культуры, продуктом которых он является; образ мышления человека, сформированный опытом, который он приобретает в одной какой-либо области, влияет на его представления о явлениях в других областях. Методы наблюдения и работы с фактическим материалом, почерпнутые благодаря постоянному обращению к общему знанию, постепенно проникают в любую из специальных областей. Процесс их признания может происходить медленно; в тех случаях, когда это предполагает переход к новому, он может вызывать сопротивление. Но если эти методы в течение продолжительного времени подкрепляются основной частью опыта общего характера, их преобладание в специальных областях является лишь вопросом времени. Подходы и методы выявления связей, которыми мы вынужденно пользуемся при рассмотрении и усвоении фактов на более элементарных уровнях знания, где фигурируют грубые факты, применяются и в случаях, когда внимание направлено на процессы, с которыми имеет дело экономика. Разнообразие и объем

фактов, к которым обычно применяются методы, отличные от традиционно применяемых экономической наукой, настолько велики — с этим часто приходится сталкиваться, — что мы стремимся к новым фактам применить эти новые методы и таким образом ввести их в научный оборот.

В основном в современном знании факты присутствуют в качестве каузальных последовательностей. Это особенно верно в отношении знания, касающегося простых фактов, которое важно для современной промышленности. Людям, глубоко приверженным этому реалистическому способу мышления, законы и теоремы экономической науки, равно как и других наук, рассматривающих нормальное течение событий, представляются нереалистическими и пустыми, исключаящими какой-либо серьезный интерес к их обсуждению. Законы и теоремы считаются нереалистическими, поскольку они не могут быть сформулированы в понятиях, используемых этими людьми при обращении к фактам, с которыми им приходится сталкиваться. Подобный реалистический настрой и соответствующие методы сегодня проникли на высшие уровни научного знания и даже в области науки, работающие с тем же человеческим материалом, который составляет предмет экономической науки, и сами экономисты начинают чувствовать нереалистичность своих теорем о «нормальных случаях». Если практические нужды современной индустриальной жизни будут сохранять те черты, которые присущи им сейчас, и, таким образом, будут способствовать утверждению объективных методов познания, вопрос о вытеснении из экономических исследований способа мышления, основанного на понятии фиксированной нормы (по существу анимистического), способом мышления, нацеленным на рассмотрение фактов в терминах причинно-следственных связей (по существу материалистическим), будет лишь вопросом времени.

Последний способ восприятия фактов и их анализа может быть лучше или хуже, более или менее значимым и адекватным, чем предыдущий, может в большей или в меньшей степени отвечать формальным или эстетическим требованиям, может вызывать сожаления по поводу вторжения незрелых способов мышления в область профессиональной деятельности, — но все это находится за рамками нашего рассмотрения. Под давлением потребностей современ-

ной технологии способы повседневного мышления человека развиваются в направлении, приближающемся к методам, которые в науке формируют эволюционный подход, и знание, получаемое на более высоком уровне устаревшими методами, становится для них чуждым и лишеным смысла. Социальным и политическим наукам придется двигаться в этом направлении, поскольку они уже оказались на этом пути.

Перевод с английского Е. Виноградовой

© Перевод на русский язык. Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006

Армен Алчиан

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ, ЭВОЛЮЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ*

В работе предложен модифицированный подход к анализу экономических явлений, основы которого составляют гипотезы неполной информации и несовершенного предвидения. Этот подход отличается от принципа максимизации прибыли. Он не использует предпосылку предсказуемого поведения индивида, которая обычно принимается как аксиома в стандартных учебниках. Несмотря на указанные изменения, аналитические понятия, которые обычно ассоциируются с таким поведением, сохранены, так как они не зависят от предположений о характере мотиваций или типе предвидения. Предложенный подход реализует принципы биологической эволюции и естественного отбора. Экономическая система интерпретируется как некий адаптивный механизм, осуществляющий выбор действий, которые опробуются в рамках адаптивного процесса, направленного на достижение «успеха» или «прибыли». Предложенный вариант может быть использован при анализе действий, которые принято считать отклонением как от стандартного экономического поведения, так и от поведения, исследуемого в стандартном анализе. Стремление расширить рамки применения модели и отказ от нереалистичных предпосылок, касающихся существования точных прогнозов и заданного состояния знания, инициировали настоящее исследование.

Изложение построено следующим образом. В начале, чтобы прояснить существо проблемы, утверждается — это касается обыч-

Перевод выполнен по: *Alchian A. Uncertainty, Evolution, and Economic Theory // Journal of Political Economy. 1950. Vol. 58. N 3. P. 211—221.*

* Автор признателен доктору Стивену Энку за критику и предложения, которые позволили улучшить содержание и представление информации.

но игнорируемого аспекта принципа максимизации прибыли, — что там, где прогноз оказывается неопределенным, максимизация прибыли как руководящий принцип действия *лишена смысла*. Затем мы предпринимаем конструктивные шаги и вводим в рассмотрение элементы «одобряющего» поведения экономической системы. Его суть в том, что эта система, как внешняя среда, «одобряет» («принимает»)¹ действия экономических агентов, апостериори оказавшиеся наиболее соответствующими критерию реализованной положительной прибыли. Этот процесс проиллюстрирован с помощью упрощенной модели случайного поведения, в которой не делается никаких предположений относительно индивидуальной рациональности, предвидения или мотивации. Однако показано, что даже с помощью такой модели, несколько изменив привычные аналитические инструменты, экономист может предсказывать и объяснять.

Затем этот феномен, «одобрение внешней средой», вводится в модель мотивированного поведения индивида в условиях неопределенности и неполной информации. При этом предполагается, что индивиды стремятся не к максимальной прибыли, а к положительной прибыли, и для этого прибегают к адаптивным и имитационным процедурам, а также к методу проб и ошибок. В последнем разделе обсуждаются некоторые выводы и следствия.

1. Максимизация прибыли не является руководством к действию

Общепринятый анализ экономического поведения в существенной степени опирается на представления о том, что в своих решениях рациональные субъекты обычно исходят из стремления найти идеально оптимальные состояния². Известны два критерия рациональности — максимизация прибыли и максимизация полезности³.

¹ <От англ. *adopt*. — Примеч. пер.>.

² О необходимости такого оптимального поведения см., например: *Robinson J. Economics of Imperfect Competition*. L.: Macmillan, 1933. P. 6 <Робинсон Дж. Теория несовершенной конкуренции. М., 1986. С. 51>. Стандартные учебники используют, по существу, ту же самую идею. См. также: *Samuelson P. Foundations of Economic Analysis*. Cambridge: Harvard University Press, 1946 <Самуэльсон П. Основы экономического анализа. СПб., 2002>.

В соответствии с этими критериями некоторые действия определяются как оптимальные, если они обеспечивают либо выполнение строгих неравенств, либо попадание в их окрестность. Но при этом, как правило, добавляется стандартное замечание. Никто в действительности не может оптимизировать свое положение согласно этим принципам и критериям, так как положение, а иногда и наклон функций спроса и предложения заранее неизвестны. Однако экономисты интерпретируют и предсказывают решения людей, используя графики названных функций, считая, что люди хотя бы неявно ими руководствуются.

Атаки на эту методологию предпринимались много раз, но только одна оказалась действительно разрушительной — предпринятая Герхардом Тинтнером⁴. Он отрицает, что в случае неопределенности максимизация прибыли имеет какой-либо смысл. Неопределенность является результатом, по крайней мере, двух причин: несовершенного предвидения и неспособности человека решать сложные задачи со многими переменными, даже когда оптимум существует. Доказательство Тинтнера простое. При неопределенности каждому возможному выбору соответствует не один единственный результат, а распределение потенциальных результатов. При этом неявно предполагается, что эти распределения имеют общие точки⁵.

Следует подчеркнуть, что каждая возможная альтернатива имеет *распределение* потенциальных результатов, из которых только один осуществится, если соответствующая альтернатива будет выбрана, и что этот единственный результат невозможно предсказать. По существу, задача сводится к принятию решения (выбору действия), возможное распределение результатов которого является предпочтительным, т.е. выбору альтернативы с *оптимальным распределением* исходов. При этом речь не идет о *максимизирующем* рас-

³ Далее мы будем обсуждать только вопрос максимизации прибыли, но все сказанное будет справедливо также для оптимизации функции полезности.

⁴ *Tintner G. The Theory of Choice under Subjunctive Risk and Uncertainty // Econometrica. 1941. Vol. 9. P. 298—304; Idem. The Pure Theory of Production under Technological Risk and Uncertainty // Ibid. P. 305—311; Idem. A Contribution to the Nonstatic Theory of Production // Studies in Mathematical Economics and Econometrics. Chicago: University of Chicago Press, 1942. P. 92—109.*

⁵ Таким образом, неопределенность здесь рассматривается как явление, которое обуславливает пересечение распределений потенциальных результатов.

пределении.

Например, пусть каждый из двух возможных выборов характеризуется субъективным распределением потенциальных результатов. Предположим, что у одного более высокое «среднее» и большая дисперсия, так что при этом выборе могут быть большие прибыли и потери, а другой имеет меньшее «среднее» и меньшую дисперсию. Какой вариант обеспечивает максимум? Этот вопрос не имеет смысла. Задавать же вопрос об оптимальном распределении вполне можно. В условиях неопределенности — а это необходимое условие существования прибыли — отсутствует осмысленный критерий для выбора решения, максимизирующего прибыль. Критерий максимальной прибыли не является значащим в качестве основы для отбора альтернативы, которая фактически приводит к результату с более высокой прибылью, чем любая другая, в случае, если только не предполагается, что распределения потенциальных результатов не пересекаются. Следует отметить, что в той мере, в какой имеет смысл понятие «максимальная прибыль» — реализованный результат, который является наибольшим на множестве допустимых альтернатив, — в той же степени имеет смысл и критерий «максимизация прибыли» при выборе альтернативных линий поведения, потенциальные исходы которых могут быть описаны только в терминах распределения вероятностей, а не конкретных числовых значений.

Эту принципиальную трудность можно обойти, используя функцию предпочтения в качестве критерия для выбора наиболее предпочтительных распределений потенциальных исходов. Однако поиск критерия рациональности и выбора с использованием функций предпочтения требуют дальнейшей проработки. Например, использование среднего, или математического ожидания, полностью снимает проблему неопределенности, поскольку вопрос о дисперсии распределения устраняется и все решает определенность. Единственный способ сделать критерий максимизации прибыли значимым — это предположить полную определенность. Далее должен быть поставлен вопрос о прогнозных и аналитических возможностях модели⁶.

⁶ Во всех науках аналитические модели абстрагируются от некоторых сторон реальности, но предполагается, что полученные с их помощью прогнозы все равно

2. Успех определяется результатами, а не намерениями

Существует альтернативный метод, при котором решения и критерии, предписанные экономической *системой*, считаются более важными, чем те, которые устанавливают индивиды, находящиеся внутри системы. Отвлекаясь от «деревьев» — оптимального расчета, осуществляемого индивидами, — можно лучше увидеть «лес» безличных сил рынка⁷. Такой подход концентрирует внимание на взаимосвязи окружающей среды и преобладающих типов экономического поведения, которая проявляется через процесс экономического естественного отбора. При этом не подразумевается, что предвидение и действия индивидов не влияют на существующее состояние дел.

В экономической системе получение прибыли является критерием, согласно которому отбираются успешные и выживающие фирмы. Именно такой критерий выбора применяется прежде всего в безличной (целостной) рыночной системе Соединенных Штатов. Он может совершенно не зависеть от процессов принятия решений отдельными экономическими агентами, множества разнообразных мотивов и возможностей и даже от того, как сами индивиды понимают этот критерий. Причина проста. Полученная положительная прибыль, а не *максимум* прибыли, является свидетельством успеха и жизнеспособности. И неважно, какие мотивации или устремления обеспечили этот успех. Достаточен уже сам факт его достижения. Вот критерий, в соответствии с которым экономическая система отбирает выживающих субъектов: те, кто получили положительную прибыль, выживают, а те, кто понесли убытки и разорились, исчезают.

будут иметь отношение к реальности. Упрощения необходимы, но при стремлении к большей общности и детализации приходится вводить более реалистичные предпосылки в рабочую модель (*Friedman M., Savage L. The Utility Analysis of Choice Involving Risks // Journal of Political Economy. 1948. Vol. 56. N 4. P. 279*).

⁷ В действительности мы будем возвращаться к типу анализа, предложенному Маршаллом, объединяя его с основными элементами дарвиновского эволюционного естественного отбора.

И соответствующее требование — положительная прибыль благодаря предпосылке об относительной эффективности является более слабым условием по сравнению с условием «максимальной прибыли», хотя их часто путают. Положительная прибыль достается тем, кто лучше своих фактических конкурентов, даже если участники сведущи, смыслены, умелы и т.д. Ключевым моментом здесь является то, что положение некоего субъекта определяется относительно его фактических, а не неких идеальных конкурентов. Подобно тому, как в гонках вознаграждение получает самый быстрый из участников, даже если все они не торопятся. Даже в мире глупцов может существовать прибыль. Кроме того, чем больше неопределенность среды, тем больше вероятность, что прибыль получают рискованные и удачливые, а не логически мыслящие, осторожные, собирающие факты люди.

Предыдущее рассуждение содержит две идеи. Во-первых, успех (выживание) сопутствует относительно превосходящему, и, во-вторых, успех не предполагает соответствующей мотивации, а может быть результатом стечения случайных обстоятельств. Среди всех конкурентов, предложенных системе для оценивания, те, чьи внутренние характеристики оказались наиболее подходящими, будут «отобраны» как выжившие. Теперь мы перейдем к рассмотрению того, как может быть применен данный подход и как индивидам удастся предложить подходящие формы для «апробирования»⁸.

3. Шанс или удача — путь к успеху

Чистая случайность является существенным фактором, который определяет, *что* будет отобрано, а также степень «одобрения» и жизнеспособности. Второй фактор — это способность приспосабливаться различными способами к соответствующей ситуации. Что-

⁸ Можно предложить другой способ структуризации обсуждаемой здесь проблемы. Одна часть проблемы — это процесс и причина, по которой субъект решает, как ему действовать, чтобы оптимизировать ситуацию. Другая ее часть — это взаимозависимость между изменениями в окружающей среде и последующими наблюдаемыми результатами, т.е. процессом решения экономического *сообщества* в целом. Подход к проблеме, который представлен в тексте, близок к этому, но отличается тем, что признается важность степени осведомленности и предвидения.

бы яснее показать относительную роль удачи и сознательного приспособления, не будем пока касаться того, как осуществляются расчеты, обеспечивающие сознательную адаптацию. Оставим в стороне также индивидуальную рациональность, мотивации и предвидение, чтобы сконцентрироваться на способности внешней среды выбирать выживших, даже если у участников отсутствует адаптивное поведение. Это, конечно, нереальный, но, однако, очень полезный, подход, который позволяет продемонстрировать связь между критерием выживания *ex post* и критерием, которым руководствуются индивиды при адаптивном поведении. Он также помогает понять роль удачи и случая для функционирования нашей экономической системы.

Рассмотрим сначала самый простой тип биологической эволюции. Растения растут на солнечной стороне не потому, что они хотят этого, понимая, что именно здесь созданы оптимальные или наилучшие условия, а скорее потому, что листья получают здесь больше солнечного света, развиваются быстрее, и системы питания становятся более сильными. Точно так же животные со строением и привычками, более соответствующими выживанию в данных условиях, жизнеспособней, и с большей вероятностью окажутся наиболее распространенными выжившими особями. У принадлежащих к тому же самому классу организмов, которые действуют менее подходящим образом, вероятность выжить меньше, и им действительно будет труднее это сделать. Наиболее общим типом выживающих особей могут оказаться те, кто уже приспособился к окружающей среде, но правильней сказать, это те, кто были отобраны окружающей средой.

Вполне возможно, что вообще не существует мотивированной индивидуальной адаптации, а есть только отбор, который осуществляет среда. Полезный, но нереалистичный пример, когда участники действуют без всякого предвидения, указывает на доступный экономисту путь анализа, а также демонстрирует способность системы осуществлять аллокацию ресурсов, несмотря на то что экономические агенты не обладают достаточным знанием. Предположим, что тысячи путешественников отправляются из Чикаго, выбирая дороги просто наугад, не строя никаких прогнозов. Наш экономист единственный, кто знает, что лишь на одной дороге имеются бензо-

заправки. Он может с определенностью утверждать, что только те, кто оказались на этой дороге, *продолжат* движение, а у тех, кто едет по другим дорогам, скоро кончится бензин. Хотя путешественники выбирали дороги случайным образом, мы можем назвать тех, кому повезло выбрать правильную дорогу, мудрыми, эффективными, прозорливыми, и т.д. Конечно, можно считать их и удачливыми. Если заправки переместить на другую дорогу, то некоторые прежде неудачливые путешественники получают возможность двигаться; образуется новая схема перемещений, хотя ни один из путешественников не изменил свой путь. Реально возможные маршруты изменились при изменении окружающей среды. В модели важно наличие множества различных, воспринимающих риск (адаптивных) путешественников. Правильное направление путешествия будет найдено. По мере изменения обстоятельств (экономической среды), аналитик (экономист) может выбрать типы участников (фирм), которые окажутся успешными в новых условиях; он может также определить условия, наиболее благоприятные для повышения вероятности выживания участников⁹.

4. Случайность не предполагает немотивированной аллокации ресурсов

Приводимые ниже два примера не являются попыткой разработать универсальные принципы анализа на основе адаптивных моделей с риском. Но они действительно показывают, что коллективное и индивидуальное случайное поведение само по себе не подразумевает, что теория в принципе не способна прогнозировать и объяснять и что в мире отсутствуют порядок и определенная направленность развития. Можно говорить и о том, что реальные факты свидетельствуют против признания существенной роли случайности и связанной с ней адаптации в экономической системе. Например, большая продолжительность жизни и огромные размеры фирм

⁹ Непроницательный человек, который замечает зависимость выживания от изменений окружающей среды, заявит о справедливости доктрины Лысенко. Действительно, есть подтверждение того, что окружающая среда, создавая конкурентные условия, отбирает для сохранения самые жизнеспособные фенотипические характеристики. Но экономисты должны остерегаться экономической лысенковщины.

и наследственных состояний могут рассматриваться как надежное свидетельство в пользу существования мотивации, основанной на постоянном предвидении, и неслучайного поведения. Чтобы показать, что длительный успех нельзя рассматривать как убедительное свидетельство отсутствия феномена чистой удачи, обратимся к модели известного французского математика Феликса Бореля.

Предположим, что два миллиона парижан разбиты на пары, которые подбрасывают монеты в игре на совпадение. Каждая пара играет до тех пор, пока первый бросающий не увидит, что у второго выпало то же самое. Пусть выполняется один бросок в секунду в течение каждого восьмичасового дня. Тогда получим, что через десять лет все еще играют в среднем приблизительно сто пар. Если игроки будут передавать игру своим наследникам, то приблизительно двенадцать участников будут все еще играть по прошествии тысячи лет! Выводы очевидны. Допустим, некоторый бизнес существовал в течение ста лет. Нужно ли исключить удачу и случай как факторы, обеспечивающие столь долгую жизнь предприятия? Ничего вообще нельзя сказать, если число первоначальных участников неизвестно; и даже когда оно известно, нужно знать сам исход, риск и его частоту. Из примера Бореля можно видеть, что, признавая важную роль случая, рискованно делать заключение, что в реальном мире существует слишком много фирм-долгожителей. Напротив, можно утверждать, что их на самом деле слишком мало!

Постулат случайности высвечивает две проблемы. С одной стороны, указывает на реальный фактор, который влияет на экономическое поведение. С другой — на метод анализа, который экономисты могут использовать при прогнозировании и исследовании. Прежде чем мы усовершенствуем модель с «чистой случайностью», допустив адаптивное поведение, рассмотрим некоторые дополнительные свойства и следствия, связанные с введением элементов случайности. Это позволит показать богатство возможностей, которое открывает обращение к феномену случайности. Во-первых, даже если каждый участник действует случайным, немотивированным способом, разнообразие выборов может оказаться настолько большим, и множество возможных действий будет столь богатым, что в нем окажутся и лучшие, т.е. те, которые были бы предприняты в условиях совершенного предвидения. Например, на бегах при достаточно большом числе игроков, заключающих пари абсолютно

наугад, кто-то может победить во всех восьми заездах. Таким образом, индивидуальное случайное поведение не исключает возможности того, что можно наблюдать «правильные» решения¹⁰. Во-вторых, верно и обратное: индивидуальное поведение, соответствующее некоторому прогнозу и мотивации, не обязательно означает, что коллективное поведение будет иным по сравнению с тем, которое было бы в случае, когда действия индивидов определяются случайным образом. Там, где есть неопределенность, суждения и мнения участников будут различаться, даже если они основаны на наилучших известных данных. Ни один участник мог и не прибегать к бросанию монеты, чтобы сделать выбор, и все же действия всей группы участников как целого могут не отличаться от результата индивидуальных действий, выбранных случайным образом¹¹.

В-третьих, к счастью, вероятностная модель не означает, что экономист не может предсказать, объяснить или исследовать. Зная, какие характеристики обеспечили выживание экономики, и сравнивая альтернативные условия, он может определить, какие типы фирм или поведения из числа возможных будут более жизнеспособными. При этом сами фирмы, возможно, не знают этих условий или пробуют адаптироваться к ним, если условия известны. Достаточно, чтобы все фирмы немного отличались. Тогда в новых условиях внешней среды вероятность выживания и роста будет больше у тех, чье внутреннее состояние окажется ближе к новому, но неизвестному оптимальному состоянию. Они будут расти относительно других фирм и становиться господствующим типом, так как условия выживания могут «подталкивать» наблюдаемые характеристики множества выживших экономических агентов к неизвестному оптимуму, если (1) осуществляются повторяемые пробные действия или (2) выживают многие из тех, кто оказались близки к оптимуму, определенному *ex post*.

¹⁰ Модель Бореля соответствует множеству каждодневных ситуаций.

¹¹ Конечно, экономические агенты, возможно, будут пересматривать свои представления, обучаться управлению и исследовательской деятельности. Однако мы все еще не можем увязывать умственную и физическую деятельность с процессом, результатом которого будут информация и прогноз, которые позволяют однозначно определить выбор индивидов. Сделать так — значит уйти от самой проблемы.

Если эти новые условия сохранятся «надолго», то доминирующие фирмы будут отличаться от тех, которые преобладали бы при других условиях. Даже если окружающие условия не могут быть предсказаны, экономист может сравнить типы поведения, которые имели бы более высокую вероятность выживания или адаптации, для имеющихся альтернативных потенциально возможных ситуаций. Если стоит задача объяснения прошлых результатов, а не предсказаний, то экономист может найти особые признаки, которые были критическими в обеспечении выживания, даже если индивидуальные участники не знали о них¹².

В-четвертых, то, что составляет основу для прогноза, было обозначено в предыдущем параграфе, однако необходимо сделать пояснения по существу. Прогноз не есть утверждение, что каждая, или на самом деле любая, фирма обязательно изменит свои характеристики. Утверждается лишь, что характеристики нового множества фирм или, возможно, само множество новых фирм изменятся. Это можно представить с помощью «репрезентативной фирмы», в чистом виде статистического понятия, — некоторого вектора «средних», каждое измерение которого представляет одну из характеристик популяции фирм. «Репрезентативная фирма» может не совпадать ни с одной из имеющихся, но зато, она представляет набор статистических данных, обобщающих различные «модальные» характеристики популяции. Конечно, здесь намеренно используется понятие «репрезентативной фирмы» Маршалла.

В-пятых, заключительный вывод из этого необычного подхода состоит в том, что эмпирические исследования, основанные на опросах, так широко практикуемые, не могут оценить обоснованность

¹² Нет даже необходимости предполагать, что каждая фирма действует, как будто она знает обычные схемы и аналитические принципы, которыми пользуются экономисты для определения условий оптимальности и равновесия. Атомы и электроны не знают законов природы; физик не сообщает каждому атому схему сознательного поведения, основанного на законах сохранения энергии, и т.д. Тот факт, что экономист имеет дело с людьми, которые обладают разумом и амбициями, автоматически не гарантирует, что у этих людей предвидение и мотивация лучше, чем те, которые экономист при обычном анализе придает внешнему наблюдателю, или «оракулу». Сходство между нарисованной картиной, статистической механикой Гиббса, а также биологической эволюцией — не просто совпадение.

анализа с позиций предельной производительности. Это справедливо, потому что анализ производительности и анализ спроса важны для оценки относительной жизнеспособности, даже если неопределенность не позволяет использовать идею «максимизации прибыли», и даже если цены и технологические изменения не влияют на фирму таким образом, чтобы вынуждать ее к сознательной переориентации своей деятельности. Чтобы проиллюстрировать это, предположим, что при попытке предсказать эффект от повышения реальной заработной платы обнаружено, что каждый бизнесмен говорит, что он не будет изменять число занятых. Однако фирмы, у которых отношение труда к капиталу ниже, чем у других, будут иметь относительно более низкие издержки и соответственно более высокую вероятность выживания. Конкуренция на выживание, устраняя фирмы с более высокими издержками, создает популяцию фирм, имеющих уже другое среднее значение отношения между трудом и капиталом. Важно то, что существование индивидуальной мотивации и предвидения является достаточным, но не необходимым условием. Конечно, этот вопрос не обсуждается здесь, и поэтому соответствующие соображения не приводятся. Все, что требуется экономистам, это понимание условий выживания и критериев, по которым действует экономическая система, и наличие группы участников, которые предлагают различные комбинации и организации, чтобы система сделала свой выбор. Оба этих условия выполнены.

Как следствие, предложенный подход влияет только на способ использования, но не на ценность используемых экономических инструментов и понятий; фактически они оказываются даже более надежными, если только не ассоциируются с предпосылкой индивидуального предвидения и приспособления. Они являются инструментами, по крайней мере, для объяснения работы экономической системы, а возможно, и собственно экономического поведения каждой фирмы.

5. Индивидуальная адаптация с помощью имитации и метода проб и ошибок

Предположим опять, что предыдущая упрощенная модель была разработана, чтобы наиболее ярко представить только один аспект

предлагаемого подхода. Мы не утверждаем, что в реальной жизни вообще нет целенаправленного, основанного на прогнозе поведения. Вводя в рассмотрение такой реальный элемент, как адаптационное поведение людей, связанное с предвидением и целенаправленной мотивацией, мы расширяем эту модель. При этом никакие ее части не отбрасываются и не предпринимаются бесплодные попытки соединить эту модель с противоположным и ярко выраженным подходом, основу которого составляет принцип совершенного предвидения и максимизации прибыли.

Экономическая деятельность определяется изменяющимися и противоречивыми целями, но мы здесь сосредоточимся только на одной — достаточных условиях получения положительной прибыли. Здесь не подразумевается максимизация прибыли, и это отличие очень существенно. Хотя требование максимизации прибыли (если максимум можно определить) более жесткое, *sine qua non* выживания и успеха является требование положительной прибыли. Утверждать, что при совершенной конкуренции эти два подхода приведут к одному и тому же, значит скрывать принципиально важные различия, вводя неправдоподобное предположение.

Для фирмы имеет смысл стремиться к получению прибыли, а не к какой-то гипотетической неопределимой идеальной ситуации, и достижение этой цели *вознаграждается* выживанием. К сожалению, даже такая очевидная цель слишком амбициозна. Ни прекрасное знание прошлого, ни полное понимание текущего состояния дел не дают возможности сделать прогноз, позволяющий определить способ действия, гарантирующий получение прибыли. Даже при такой более ограниченной цели всеобъемлющее влияние неопределенности исключает возможность определить действия, оптимальные с точки зрения получения прибыли. Теперь мы можем утверждать, что получение прибыли заменяет условия оптимальности в качестве руководящего правила поведения. Поэтому далее выделены две формы сознательного адаптивного поведения: имитация и метод проб и ошибок.

Во-первых, везде, где встречаются успешные предприятия, их общие черты будут ассоциироваться с успехом и копироваться другими, стремящимися к прибыли или успеху. «Ничто не является таким успешным, как сам успех». И это объясняет склонность к

простому и грубому подражательному поведению. То, что иногда выглядит как покупательский консерватизм и нерациональные правила поведения, оказывается закодированной имитацией наблюдавшегося успеха. В качестве примера можно назвать «обычную» торговую наценку, ценовое лидерство, «принятую бухгалтерию», коэффициенты использования, «надлежащую» рекламную политику и т.д. Традиционно рассматриваемый тип поведения совместим с тем, о котором шла речь в данной работе, хотя обоснование того, как формируются поведенческие стереотипы, разное¹³.

Много факторов обуславливают целесообразность имитации образцов поведения, наблюдавшихся при прошлых успехах. Среди них:

- 1) отсутствие поддающегося формулированию критерия принятия решений;
- 2) изменчивость окружающей среды;
- 3) большое количество факторов, которые привлекают внимание и влияют на выбор;
- 4) неопределенность, свойственная всем этим факторам и следствиям из них;
- 5) понимание, что превосходство над конкурентами является принципиально важным;
- 6) отсутствие процесса проб и ошибок, сходящегося к оптимальному положению.

Кроме того, имитация позволяет избежать необходимости действительно принимать решения и сознательно осуществлять нововведения, которые, в случае если окажутся не такими, как ожидалось, будут фатальными. К сожалению, неудача или успех часто отражают готовность отступить от правил, когда условия измени-

¹³ Эти сконструированные правила поведения нужно отличать от «правил», которые в действительности есть не что иное, как определение цели, к которой следует стремиться. Достаточно часто смешивают цели, которые служат мотивом, и правила поведения. Например, ценообразование на основе полных издержек является «правилом», которому трудно в действительности следовать. Кто-то может это попробовать, но преуспеев он или потерпит неудачу в достижении цели выживания, не определяется следованием этому правилу. Если он терпит неудачу в достижении цели, то должен будет в силу необходимости не следовать этому «правилу». Ситуация похожа на ту, когда контроль за скоростью автомобиля пытаются осуществить, устанавливая вручную показания спидометра.

лись; при этом важно не только имитационное поведение, но и готовность отказаться от него в нужное время при нужных обстоятельствах. Те, кто склонны изменяться и имеют успех, становятся новаторами, а те, кто терпят неудачу, становятся опрометчивыми нарушителями хороших, проверенных правил. Хотя можно отрицать универсальный характер таких принципов, нет сомнения в том, что существует сильное побуждение создавать конвенции и правила (основанные на наблюдавшемся успехе), а также готовность использовать их как руководство к действию и для рационального объяснения бездействия. Если другой еще не испробованный набор действий мог бы быть еще более успешным, тем хуже для тех, кто потерпел неудачу, и даже для тех, кто упустил «идеальный шанс».

Имитация позволяет объяснить даже инновационный процесс. Конечно, есть те, кто сознательно осуществляет нововведения, но есть и такие участники, которые в своих несовершенных попытках имитировать других неосознанно идут на нововведения, невольно приобретают некоторые неожиданные или уникальные свойства, которые при сложившихся обстоятельствах частично обеспечивают успех. Другие, в свою очередь, попытаются копировать уникальные свойства, и процесс «имитация — нововведение» продолжается. В результате новация реализуется, заметными следствиями чего в нашем случае является возможность неосознанно стать пионером и лидером.

Вторым типом сознательного адаптивного поведения, в дополнение к имитации, является метод проб и ошибок. Он использовался в задаче максимизации прибыли. При этом с помощью проб и последующих успехов или неудач отбираются более подходящие действия, составляющие процесс, который предположительно сходится к равновесию, обеспечивающему максимум прибыли. К сожалению, для сходимости процесса проб и ошибок необходимы, по крайней мере, два условия, даже если предположить, что равновесие в пределе возможно.

Первое состоит в том, что пробное действие следует классифицировать как успех или неудачу. Достигнутое состояние необходимо сравнить с результатами других потенциальных действий. В статической окружающей среде, если вы улучшаете состояние относительно предыдущего, то предпринятое действие является лучшим,

чем предыдущее, и, по-видимому, можно маленькими приращениями продвигаться к локальному оптимуму. Возможна следующая аналогия. Близорукий кузнечик на куче камней может оказаться на вершине конкретного камня. Но нет никакой гарантии, что он может также добраться до вершины кучи, поскольку ему, возможно, придется спускаться на какое-то время или перепрыгивать на новые камни.

Вторым условием сходимости метода проб и ошибок является непрерывный подъем к некоему *optimum optimorum* без промежуточных спадов. Удовлетворяют ли решения и действия, имеющие место в экономической жизни, этим двум условиям, ни доказать, ни опровергнуть здесь нельзя, но имеющиеся факты, безусловно, свидетельствуют не в пользу положительного ответа.

Сформулированные условия сходимости не подходят для случая изменяющейся окружающей среды, так как при этом нельзя явно сопоставить результат одного действия с результатом другого. Возможность сравнения результирующих ситуаций исключена изменяющейся окружающей средой. Как следствие, утрачивается возможность измерить степень «хорошести» действий в любом смысле, кроме «приемлемо — неприемлемо», и исчезает сама возможность, что индивид посредством метода проб и ошибок придет к оптимальному типу деятельности. Результат проб и ошибок здесь — это жизнь или смерть. Естественно, такой метод не может служить основой индивидуального поведения, обеспечивающего достижение «максимального» или оптимального положения. Успех определяется экономической системой, осуществляющей всеохватывающую отбраковку, а не человеком, осуществляющим поиск пути, ведущего к оптимуму.

Вообще, неопределенность является безусловным основанием для имитации поведения тех, кто добился успеха. На ее счет можно отнести также сходство черт выживших. И все в результате того, что эволюционирующая, отбирающая, конкурентная система применяет критерий выживания, действующий независимо от индивидуальных мотиваций. Адаптация через имитацию и рискованные инновации расширяет рамки модели. Несовершенные имитаторы открывают возможность для инноваций, а критерий выживания экономики определяет успешных, возможно в силу своего несовершенства, участников. Инновации обеспечиваются также сознательными

целенаправленными действиями, независимо от того, какие конечные мотивации стоят за ними: решительные действия мотивированы надеждой на большой успех, так же как и желанием избежать возможной неудачи.

Все предыдущие рассуждения представляют индивидуального участника как обладающего инициативой, способного рисковать, осуществлять инновации и адаптироваться с помощью метода проб и ошибок. Большинство традиционных экономических инструментов и понятий сохраняют свое значение, но в совершенно иной аналитической структуре, которая сродни теории биологического развития. Экономические аналоги генетической наследственности, мутации и естественного отбора — это имитация, инновация и положительная прибыль.

6. Выводы

Закончим кратким изложением выводов и следствий.

Можно строить прогнозы относительно наблюдаемых типов поведения и организаций (если они проявляют себя) в терминах относительной вероятности успеха или жизнеспособности. Наблюдаемое превалирование некоего типа поведения зависит как от вероятности того, что он жизнеспособен, так и от вероятности того, что различные типы поведения будут предложены системе для проверки и отбора. Первая — это вероятность появления определенного типа организации (мутация), а вторая — вероятность ее выживания, или жизнеспособности, после того как она появилась (естественный отбор). Есть веские основания считать, что эти две вероятности взаимосвязаны. Но можно ли полагать, что высокая вероятность выживаемости подразумевает и высокую вероятность того, что данное действие будет предпринято, как это имело бы место в системе рассуждений, предполагающей наличие некоторого «внутреннего направленного стремления к совершенствованию»? Если корреляция между этими двумя вероятностями не слишком высока, то какие предсказания типов действий может сделать экономист? Ответ на данный вопрос и был предложен в этой статье.

Хотя справедливо, что экономист может определить поведение, направленное на максимизацию прибыли при условии опреде-

ленных издержек и выгод, есть ли уверенность, что эти условия и получаемые решения окажутся совершенными и абсолютными? Если максимальное значение прибыли (ситуация определенности) не установимо, то доверие в отношении предсказанных влияний на экономику некоторых изменений, например повышения налогов или снижения зарплат, будет зависеть от того, насколько прежняя организация была близка к прежней «оптимальной» (определенность). Что действительно важно, так это то, чтобы фактически были опробованы различные действия, поскольку именно из них, а не из некоторого набора идеальных действий, отбираются успешные.

Экономист может закрепить свой успех, если скажет, что действия в ответ на изменения окружающей среды и изменения в степени удовлетворенности существующим положением дел будут сходиться в результате процесса адаптации или отбора к оптимальному типу действий, который и был бы отобран, если бы прогноз был идеальным¹⁴.

В заключение подчеркнем, что экономист, используя существующие аналитические методы, разработанные для анализа поведения фирм в условиях определенности, может предсказать более адаптивные или жизнеспособные типы экономических взаимосвязей, появление которых может быть вызвано изменением среды, даже если сами индивиды не будут способны их осознать. Таким образом, хотя индивидуальные участники могут и не знать ситуацию со

¹⁴ Странность предположения об идеальном прогнозе состоит в том, что оно приводит к почти тавтологическим утверждениям. Нельзя знать все, и это подтверждено положением, согласно которому каждый действует в пределах «неизменного состояния и распределения навыков». Но это очень близко, если не эквивалентно, высказыванию, что либо действие предпринимается только тогда, когда результат может быть точно предсказан, либо информация принципиально ограничена. Это замечание сделано, поскольку кто-то может подумать, что предположение о «неизменности» состояния и распределения навыков» является необходимым в качестве *ceteris paribus*. Но даже и это не решает дела. Поведение в мире неполной информации и неопределенности обязательно в значительной своей части направлено на рост практического знания и обращено к неизвестному. Хотя возможно и допустимо начинать с заданного уровня практических знаний, считать его постоянным было бы слишком большим ограничением, так как большой класс важных и часто предпринимаемых действий обязательно вызывает изменения в состоянии и распространении знания. Предложенная здесь модификация включает этот поиск лучшего знания как принципиально важный момент.

своими издержками и выгодами, экономист сможет предсказать последствия более высокой заработной платы, налогов, правительственной политики и т.д. Подобно биологу, который предсказывает влияние изменений среды на выживающий класс живых организмов, экономист не должен исходить из того, что каждый участник знает или действует в соответствии со знанием ситуации относительно своих затрат и выгод. Эти понятия предназначены для экономистов, но не обязательно для индивидуальных участников, возможно, располагающих другими средствами анализа или общепринятыми приемами, которые с точки зрения экономиста относятся к данным, а не к аналитическим методам.

Альтернатива подходу, основанному на индивидуальной максимизации прибыли, была предложена без отказа от неопределенности. Чтобы избежать неверной интерпретации некоторых положений, отметим, что в этой работе не утверждается, что целенаправленное поведение в реальной жизни отсутствует, но вместе с тем не утверждается, что действие экономических единиц не может быть описано в рамках предельного анализа. Утверждается, скорее, что истинная роль и природа целенаправленного поведения в условиях неопределенности и неполной информации не были правильно поняты или проанализированы.

Можно сразу начать с полной неопределенности и отсутствия мотивации, а затем при построении аналитической модели добавить элементы прогноза и мотивации. При противоположном подходе начинают с предположения о полной определенности и единственной мотивации — этот подход оказывается неадекватным и требуется отказ от его основных принципов, как только признается неопределенность и возможность смешанных мотиваций¹⁵.

Подход, предложенный здесь, в интеллектуальном отношении более скромный и реалистичный, при этом не приносится в жертву его общность. В нем неопределенность не рассматривается как случайное экзогенное возмущение, как обычно это делается в рамках

¹⁵ Возможно, читатель предпочитает считать, что здесь приводятся причины, по которым модель, основанная на определенности, может предсказывать результаты, хотя индивиды на самом деле могут не максимизировать прибыль. Но опасность такого пути была продемонстрирована.

стандартного подхода, предполагающего совершенное предвидение. Существование неопределенности и неполной информации является фундаментом предложенного анализа; из него следует важность понятия класса «случайных» решений, он допускает различные конфликтующие цели, мотивацию и совершенствование типов адаптивного подражательного поведения. При этом не разрушаются основы предсказания, объяснения или изучения. Поведение экономической системы как целого не выводится из индивидуальных оптимальных действий; но имеется возможность включить в рассмотрение подобные действия там, где это оправданно. Формализация приведенного подхода требует «союза» теории стохастических процессов и экономической теории — двух областей, исключительно для этого подходящих. Утверждаем, что предложенная модификация применима к широкому классу событий и заслуживает эмпирической проверки¹⁶.

Перевод с английского В. Соколова

© Перевод на русский язык. Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006

¹⁶ Предварительные исследования в этом направлении оказались очень убедительны, и, кроме того, предложенный подход, как представляется, позволяет сделать важные выводы, касающиеся общей экономической политики. Но обсуждение этих вопросов мы отложим на будущее.

Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса [Текст] / редкол. : Я. И. Кузьминов (гл. ред.), В. С. Автономов (зам. гл. ред.), О. И. Ананьин и др. ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — 2-е изд. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. — 533, [3] с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0457-4 (в пер.).

В очередной (шестой) выпуск альманаха «Истоки» вошли избранные работы по эволюционной экономике, впервые публикуемые на русском языке. В их числе статьи Т. Веблена «Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной?», А. Алчиана «Неопределенность, эволюция и экономическая теория» и др. Отдельно рассматривается проблематика «зависимости от пути развития», представленная работой П. Дэвида «Клио и экономическая теория QWERTY» и его заочной полемикой с критикой, высказанной, в частности, в также публикуемой статье С. Либовица и С. Марголиса. Развивают тему российские ученые: Р.И. Капелюшников, Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов. Раздел методологии на этот раз целиком посвящен оценке современного состояния и тенденций развития экономической науки. Для представления панорамы мнений по этой теме публикуются работы исследователей, относящихся к разным направлениям современной экономической мысли (от неоклассика О. Бланшара до неомарксистов С. Боулса и Г. Гингиса), написанные в разных жанрах (от интеллектуальной истории Р. Леонарда до футурологической провокации Д. Коландера). В разделе «Памятники экономической мысли» впервые в России публикуется полемика 1923—1924 гг. между видными русскими учеными-экономистами П.Б. Струве и А.Д. Билимовичем.

Для специалистов в области экономической теории, истории экономической мысли, экономической методологии и истории, студентов, аспирантов и преподавателей-экономистов, а также для всех интересующихся данной тематикой.

УДК 330.8(082)
ББК 65.02я43

Научное издание

Истоки
из опыта изучения экономики
как структуры и процесса

Второе издание

Зав. редакцией *О.А. Шестопалова*
Редактор *Е.Н. Ростиславская*
Художественный редактор *А.М. Павлов*
Корректор *Е.Е. Андреева*
Компьютерная верстка и графика: *А.В. Плотников*

Подписано в печать 26.12.2006. Формат 60 × 88 ¹/₁₆
Печать офсетная. Гарнитура Times. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 32,49. Уч.-изд. л. 30,29. Тираж 1000 экз. Заказ № . Изд. № 724

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./факс: (495) 772-95-71